

Давид Абрамсон

(род. в 1923 г.)

Из книги «Eesti rahva elulood». Ч.1. Таллинн, 2003.

Перевод Инны Теплицкой

Я родился 20 июля 1923 г. в Таллинне.

До Второй мировой войны в Эстонии было около 5 тысяч евреев. Думаю, что из еврейских довоенных семей сейчас осталось всего примерно 500 чел.

Мой отец, Макс Абрамсон, родился в Таллинне в 1880 г. Его отец тоже родился в Таллинне примерно в 1840 г. Ничего о нем не помню кроме длинной седой бороды, о бабушке вообще ничего не помню. Известно, что их семья приехала в Эстонию откуда-то из Литвы. Мамина семья была родом из Латвии. Во время революции они переехали в Пярну и жили там до конца 30-х гг. Мама родилась в 1899 г.

Мои родители поженились в Таллинне в начале 20х гг. В последние годы независимой Эстонии отец мой был очень богат, владел домами и магазинами, даже красильной мастерской. Все это богатство папа нажил упорным трудом. Он работал по 10-12 часов в день – сам стоял за прилавком, ездил по делам и вел бухгалтерию.

Мы жили в очень большой квартире на ул.Валли, 4. В этом доме много лет помещалось Государственное страховое общество.

Наша семья придерживалась иудаизма. Родители довольно строго соблюдали еврейские религиозные обычаи. На бытовом уровне они были либералами. В доме готовили еврейские блюда, например, фаршированную щуку – провернутую через

мясорубку рыбу закладывают в шчучью кожу и запекают в духовке – очень вкусно. Моя жена – эстонка это готовить умеет. Свинину дома не ели. Но, когда папа с барышнями ходил в кабаки, то там он ел все. В пятницу вечером у нас зажигали свечи. Папа надевал шляпу и читал что-то на непонятном мне иврите. По большим религиозным праздникам ходили в синагогу, меня брали с собой. Я стоял там неохотно, потому что было много гораздо более веселого, чем можно было в это время заняться.

Мое образование началось очень рано – в пятилетнем возрасте меня определили сразу во второй класс немецкой начальной школы. Учитель решил, что в первом классе мне было бы нечего делать. Через несколько лет я поступил в немецкую реальную школу на ул. Луизе. Там я проучился недолго, потому что по эстонскому закону представители малых народов могли учиться или в эстонских школах, или – в своих национальных. Мои родители не считали уровень еврейской гимназии достаточно высоким для моего образования. К тому же им не нравилось, что ее директор придерживался коммунистических взглядов. Меня отдали в частную гуманитарную гимназию Вестхольма. В то время, без сомнения, это была лучшая школа Таллинна. В Тарту лучшей была школа Треффнера, а среди школ для девочек на первом месте была гимназия Лендер. Образование, которое мы получали в гимназии Вестхольма, оставляло далеко позади гуманитарные знания, которые приобретают современные студенты в технических вузах. Например, мы хорошо знали эстонскую грамматику и никогда бы не написали слово «tegemata» с двумя «t», как это делают современные инженеры, окончившие технические вузы. Во-вторых, у нас изучали несколько иностранных языков – английский, немецкий (дома мы говорили по-немецки), французский и в последнем классе на выбор – русский или латынь. Мы выбрали латынь.

Хорошим примером может быть отличное знание языков одноклассника моего брата – Леннарта Мери. В школьные годы он приходил к нам домой поиграть в пинг-понг. После долгого времени мы встретились с президентом Эстонии на открытии здания Каве Плаза. Наверху шел банкет. Мери увидел меня, быстро приблизился, пожал мне руку, поздоровался – Здравствуй, Давид, и спросил, помню ли я его. Конечно, помню, но я поинтересовался, как он меня узнал. Он ответил, что президент должен помнить все.

Я окончил 12-й класс за несколько недель до начала войны. В это же время аттестаты об окончании гимназии получили и 11-тиклассники, так как Советская власть решила – хватит учиться. Это был первый шаг по досрочному выполнению пятилетки.

В советское время Вестхольм был в опале. Его гимназию называли школой для богатых. На самом деле там училось много отпрысков богатых родителей, но еще больше – детей известных деятелей, но было и много учеников из бедных семей. Принцип этой школы был – недостаток средств не должен мешать получению хорошего образования. Сам старик Вестхольм, как и следующий директор Этверк обращались ко всем богатым с просьбой собрать деньги для неимущих. В гимназии господствовал дух солидарности, даже бывшие ученики друг другу всегда помогали. Приведу пример. В первые месяцы войны были созданы так называемые истребительные батальоны. С нами в классе учились два коммуниста – Ноормаа и Нигул. Они вступили в такой батальон. Когда они узнали, что многие их бывшие соученики будут мобилизованы в Красную армию, они их разыскали на какой-то

вечеринке в ресторане и предупредили о предстоящей мобилизации, чтобы те успели исчезнуть. Так что дух братства Вестхольмской гимназии был сильнее политики. Даже после побега из Эстонии, за границей бывшие соученики этой школы держались вместе и помогали друг другу. Об этом мне рассказывали мои друзья из Канады и США.

В сентябре 1940 г. арестовали папу. Какой-либо прямой или опосредованной вины у него не было, его надо было наказать за то, что он был богатым. Когда за ним пришли, я был дома. Пришедшие штыками отдирали обои и искали в стенах спрятанные сокровища. Это было мое первое знакомство и начало «большой дружбы» с советской мощью. Отца увезли в тюремный лагерь куда-то в Казахстан. В Эстонию он вернулся инвалидом с выбитым глазом в 1946 г. Умер папа в 1964 г.

В действительности, наша семья больше пострадала от русских, чем от немцев. Немцы убили семью наших родственников, оставшихся во время войны в Пярну, и одного моего дядю – врача. В русских же лагерях погибли 8 наших родственников с маминой стороны.

Перед началом войны мы закончили строить дом в Кивимяги. Он располагался на Вабадусе пуйестее, недалеко от автобусной остановки ул. Янсени, вблизи которой – магазин. Наш дом был рядом с ним. Он был красивым и современным. Уже завезли мебель, но пожить мы там не успели ни одного дня... Какие-то русские солдаты из истребительного батальона захватили дом, пару дней там пьянствовали, а затем сожгли буржуйскую собственность дотла.

6 июля 1941 г. мы с мамой и младшим братом Габриелем эвакуировались. В Ласнамяе нас посадили в вагон с сидячими скамейками. Были в дороге 3 недели и впервые вышли из поезда в г. Челябинске. Прямо на станции кто-то украл новый велосипед брата, который мы везли с собой. Мы за ним не уследили, мы просто не думали, что его могут украсть. Из Челябинска нас повезли в Курганскую область в какую-то заброшенную деревню. Впечатление было угнетающим – бедность, неразвитость, глупость. К счастью, мы там пробыли недолго. Мама получила вызов от своего брата Симы Гольдберга из Тюмени, куда он эвакуировался из Москвы со своим заводом, изготавливавшим деревянные пропеллеры для самолетов. Дядя взял нас под свое крыло, потому что он, как специалист на военном заводе, пользовался многими благами.

Я хотел оттуда удрать и учиться дальше. Проблема заключалась в том, что я не говорил по-русски. Приведу для сравнения, что говорят русскоязычные жители Эстонии о своих языковых трудностях. Одни не хотят изучать эстонский язык, другие не считают необходимым его знать, третьи жалуются, что язык этот очень трудный. Когда я поступал учиться в вуз, мне как можно быстрее надо было овладеть русским языком, и я сумел это сделать за 2-3 месяца. Грамматику же я никогда не изучал, но не думаю, что пишу с ошибками. В Тюмени не было возможности получить высшее образование. Я поехал в Новосибирск и поступил в институт инженеров железнодорожного транспорта, здесь освобождали от призыва в армию. Конечно, смешно было бы требовать, чтобы в Новосибирске вторым государственным языком сделали эстонский. Мне просто нужно было говорить по-русски, чтобы сдать вступительные экзамены.

В городе было тогда всего три человека из Эстонии – я, Хильда Варес и ее мать. Отец Хильды был братом Йоханнеса Вареса-Барбаруса, а мать, Мария Давидовна,

была еврейка. Мы очень дружили. Позднее Хильда жила какое-то время в Эстонии, потом вышла замуж за русского офицера и уехала в Ленинград.

Как я жил в студенческие годы? В самом деле, институт в военные годы походил на трудовой лагерь. Нас посылали в колхозы на сбор картошки и уборку урожая зерновых, на другие работы, но денег за это не платили. Чему-то также обучали. У меня были водительские права, которые я получил незадолго до начала войны. Я уже ездил – у отца был автомобиль. Семья, у которой я жил в Новосибирске, была очень славная. Они сдавали нам с сокурсником комнатку. Когда они узнали, что у меня есть права на вождение машины, они помогли мне найти работу. Вообще я должен сказать, что когда имеешь дело с отдельными русскими людьми, они очень дружелюбны и симпатичны, но когда их много – они невыносимы.

Человека, имевшего тогда водительские права, можно сравнить с современным обладателем прав на полеты в космос. Я получил вечернюю работу шофера на местном водочном заводе, развозил водку. Тогда она имела две цены – государственную и свободную рыночную. Они соотносились примерно 1 к 500. Зарплаты мне не платили, но каждый вечер я мог по госцене покупать одну бутылку водки. За две бутылки можно было приобрести 1 кг. масла или хромовые сапоги, или костюм и т.д. Соотношение цен было вывернуто наизнанку. Водил я грузовик ГАЗ АИ-АИ, который ездил на «дровяном бензине». Мотор работал на тепле, получаемом от железной печки, которую в машине топили деревянными чурками. Каждую неделю мне выдавали бутылку бензина на разогрев мотора. Так я и болтался на своем грузовичке и жил безбедно. Это ведь было время, когда большинство людей страдало от страшного голода. Сегодня права на вождение машины не играют особой роли, а тогда они меня спасли.

Осенью нас возили на речных пароходах из Новосибирска по р.Обь на работу в дальние колхозы. Однажды жили в необычайно чистой деревенской избе. Некрашенный деревянный пол ежедневно с песком отчищали добела. Но было уже холодно, топили досками из садового забора. Вообще-то деревня стояла в лесу, но летом почему-то дровами не запасались. Каждое лето забор ставили заново, а зимой им снова топили печь. Так там было принято.

В Новосибирске господствовал антисемитизм. Ни с чем подобным мне не приходилось сталкиваться ни раньше, ни потом. В гимназии Вестхольма нас учили, что все народы равны. У нас учились несколько евреев, но подобных проблем не возникало, Помню, как кто-то из соучеников обзывал плохим словом русских. Директор школы Этверк раздул тогда целое дело – межнациональная вражда или оскорбление были исключены. А в Новосибирске антисемитизм считался почти хорошим тоном.

В 1944 г. меня из института призвали в армию. Я уже заканчивал учебу, которую во время войны сократили до 4-х лет. Мне оставалось только получить диплом.

Я прибыл в Омск для прохождения учебы в запасном полку. Это было голодное время. Но как только мы попали на передовую, жизнь стала посытнее. Я был рядовым солдатом и прошел путь из Белоруссии через Литву и оттуда – в Восточную Пруссию. Я служил в охране штаба корпуса и непосредственно в боях не участвовал. В армии проблем из-за моего еврейства не было. Там и не может быть межнациональных конфликтов. В боевой обстановке перед летящей пулей все равны. То же говорили те, кто воевал на стороне немцев. Сейчас много полемизируют, кто был во время войны на правильной, а кто – на неправильной

стороне. Правильно, якобы поступили те, кто воевал в эстонском легионе, их считают героями. Те же, кто воевал в Эстонском корпусе – выбрали как-бы неправильный путь. Это – вздор. Ни один эстонец, воевавший против немцев, не мог и представить тогда, что он защищал Советскую власть в Эстонии. Все мечтали о независимой Эстонии. Одни хотели освободить свою родину от немцев, другие – от русских. Ведь немецкая разрушительная сила была велика. И я не мог тогда представить, что русские останутся в Эстонии и оккупируют ее еще 50 лет.

Обвинять людей, служивших в эстонском корпусе в том, что они помогали Советам оккупировать Эстонию – большая несправедливость. Я имею в виду не комиссаров и коммунистов, а большинство.

Окончание войны застало нас в Кенигсберге. Но для нас война имела продолжение – нас перебросили в эшелонах через всю Россию на дальневосточную китайскую границу – началась война с Японией. Этот военный поход напоминал парадный марш. Закаленные в боях советские части, прибывавшие на Дальний Восток, просто не успевали захватывать японские территории, так быстро враги сдавались. Мы продвигались вперед в зависимости от того, как шло снабжение войск водой, бензином и боеприпасами.

Мне посчастливилось побывать в Порт-Артуре. Я ведь был нужен везде, так как мог работать переводчиком. В то время вышло распоряжение о демобилизации из армии людей с высшим образованием.

Я прибыл в Эстонию, туда уже вернулись мама с братом, а отец еще оставался в заключении. Моим богатством были шинель, гимнастерка и брюки. Городским головой тогда в Таллинне был Хендриксон. Я пошел к нему и получил ордер на брюки, рубашку и пальто. Так началась мирная жизнь.

До войны я по-детски ухаживал за еврейской девочкой. Мы снова встретились после войны, но я должен был уехать из Таллинна. Девушка вышла замуж за рижского еврея-торговца, которого вскоре надолго посадили в тюрьму. А наша любовь кончилась с моим отъездом за границу. Меня послали в Германию, в Потсдам, где работала трофейная комиссия из представителей США, СССР, Англии и Франции. Комиссия тогда занималась поиском немецких кораблей в гаванях по всему миру. Я был включен в эту комиссию, работал в штате представителей СССР. Нам выделили большую богатую виллу в пригороде Любека. Там работали эксперты, в задачу которых входил поиск и доставка в российские гавани предназначенных для СССР плавучих доков, буксиров, пассажирских и торговых судов. Я даже не могу точно сказать, кем я там работал, потому что переводил, договаривался с предприятиями, заботился о получении от англичан продовольственных запасов, руководил обслуживающим персоналом и т.д. В Германии я работал больше года, это время было очень интересным. Мы ездили получать корабли в Лондоне, Амстердаме, Бельгии, 5-6 раз – в Швеции. В то время, когда в Советском Союзе люди жили впроголодь, мы были как у Христа за пазухой. Зарубежные делегации, которые приезжали к нам по делам, мы закармливали черной икрой и другими дорогими закусками, не говоря уже об алкоголе.

По возвращении в Таллинн я недолго работал секретарем профкома работников пищевой промышленности. Настало время, когда меня выгоняли с работы, как только становилось известно, что я был сыном когда-то богатого человека.

Следующей была работа в Министерстве рыбной промышленности. Министром там был умнейший человек – Карл Рауд. Я руководил отделом труда и зарплаты. Важнейшим для меня событием, связанным с этой работой, было то, что там я нашел себе жену. Мы прожили с ней 2 года и развелись. С работы меня снова выгнали по известной причине. Сначала меня приняли на ура – я воевал, учился в институте в Новосибирске, в немецкой оккупации не был. Подходило все. Я ничего не скрывал из своего прошлого, но об отце всегда узнавали как-то внезапно. Затем меня приняли в Министерство химической промышленности, где я проработал полгода. Министр Нейман вскоре провозгласил, что сыновья торговцев не подходят для работы в учреждениях такого уровня. Устроился тогда в Тарту в трест переработки рыбы. Через несколько лет снова выяснилось, что я им не подхожу. Один из зам. министра рыбной промышленности – Варнавский – перешел работать в ЦК партии, откуда послал письмо в Тарту, объясняя, что сын торговца Абрамсон не годится для руководящей работы и подлежит срочному увольнению. Тогда еще не было трудового законодательства и трудового права. Убирайся, и все. Но время шло, и эти анкетные данные уже начали выходить из моды. Несколько лет я спокойно смог проработать на Маардуском химкомбинате.

8 марта 1960 г. – я точно запомнил этот день – я начал работать на фабрике металлоизделий, которая позже стала комбинатом по производству металлических изделий «Васар». Я занимал там разные руководящие должности. «Васар» работал хорошо, но мог бы работать значительно производительнее, если бы не непрофессиональное руководство местного министерства, которое изменилось сразу после прихода нового министра Юргенса. Там я проработал почти 30 лет, до 1989 г.

С независимостью Эстонии началась приватизация. Группа наших сотрудников решила приватизировать бывшую Тартускую алюминиевую фабрику (тогда 5-й цех «Васара»). Успешно трудились 5 лет, а затем вернули здание фабрики ее бывшему собственнику, и нам пришлось свернуть производство. Я глубоко убежден, что этот возврат был большой ошибкой. Бывшим владельцам ныне успешно работающих предприятий лучше было бы выдавать денежные компенсации. На моих глазах предприятие прекратило производство, 30 человек потеряли работу, приостановился технический прогресс. Было бы справедливо, если бы компенсацию бывшим владельцам выплачивали акционеры действующего предприятия, так бы продолжалось его развитие.

И нашей семье досталась часть имущества нашего отца. Нам вернули дом на ул. Виру, 24, где теперь Мак Дональдс. При возврате сомнений не было, мы же были прямыми наследниками папы. Но власти настойчиво стремились вывести нас из числа наследников – эти деньги им хотелось присвоить самим. Жадность, конечно, объяснима, но не таким же путем, не за чужой же счет.

Между тем, я нашел себе вторую жену на «Васаре». Хелью только что закончила экономический факультет Тартуского университета. Появилась квартирная проблема, нам негде было жить. Возникла даже мысль о переезде в Израиль. Я по сути своей и языку воспитан в эстонском духе. Школа, друзья, семья – все связано с Эстонией. Но я был очень зол, что мне не дали квартиру. Я написал письмо Председателю Совета министров Арнольду Веймеру, где спрашивал, почему квартиры дают кому попало, а пожилые коренные жители Эстонии десятилетиями вынуждены жить в бараках. Письмо было на 6 страницах, начался большой

скандал. ЦК и органы безопасности об этом письме были проинформированы, но каких-либо организационных решений так и не последовало.

Евреям в то время было сравнительно легко уехать. Израиль меня особо не интересовал, я бы двинулся в Америку. Языковой барьер у меня бы не возник, за границей у нас также было много знакомых. Вместе с семьей подали бумаги. Но случилось то, чего бы можно было опасаться – нам не разрешили выезд из страны. В отказе указывалось, что в связи с войной Израиля с Египтом нельзя рисковать жизнью советских людей. Очень гуманно.

К счастью, в конце концов, мне дали квартиру. Уже почти 30 лет живем в этом Мустамяэском панельном доме.

Вот и все. От первого брака у меня есть сын. Его зовут Свен Андресоо – это фамилия матери. Он – тренер по легкой атлетике. У меня два внука и внучка. В моей семье воспитывался сын жены от первого брака, он – врач в г. Раквере.

Я считаю, что сам я еще очень молодой. Возраст человека ведь зависит от того, как он сам себя ощущает.